

Александр Ворошило – народный артист России, бывший солист Большого театра, лауреат Государственной премии. По его словам, он ощущает себя человеком безумно счастливым. На сцене Большого играл аристократов и князей – сейчас он предприниматель по производству колбасных изделий.

А творчество все же не отпускает его: мечтает написать книгу, в настоящее время снимается в фильме Владимира Меньшова "Последнее танго в Москве".

– Александр Степанович, какое место в своей системе ценностей вы отводите любви?

– С полным правом могу считать себя человеком счастливым. Я люблю и мне отвечают взаимностью. Я люблю жизнь, я ее боготворю со всеми прелестями и трудностями, со всеми ее высотами и потерями, и жизнь отвечает мне взаимностью. Я вырос в довольно бедной семье, был пятым ребенком, последним, но любимым. В жизни познал многое и продолжаю познавать. А что касается любви, то если бы этот вопрос вы мне задали несколько лет назад, был бы другой ответ. А сегодня вся моя любовь принадлежит вну-

было даже пенсии – меня сломать не так просто. Я решил для себя, что мне надо снова подняться и идти. Но куда? Начал с того, что у эмигранта-американца был мальчиком на побегушках, и это в звании народного и лауреата Государственной премии. Я не стеснялся этого, бегал, занимался всякой ерундовой работой. Я шел путем проб и собственных ошибок. Другого пути у меня не было. Но у меня была цель. Сегодня я руковожу предприятием по переработке колбасных изделий, где работают около ста человек. Предприятие успешное, в прошлом году мы получили золотую медаль от правительства Москвы. Сегодня я вхожу в массу всевозможных комиссий, советов по предпринимательству. Это тоже не меньше звания народного. В предпринимательстве меня считают авторитетом, и

кстати, что звезд должно быть мало. Это сейчас понос на звезд: не успел спеть в красном уголке жэка – и уже звезда... Это бред!

– И какие роли были самыми любимыми?

– Все роли в Большом были мною любимы. Ведь их написали великие люди: Верди, Чайковский, Римский-Корсаков... Их всех, как говорится, Бог поцеловал и осчастливил тем человечество. Я только мог бы говорить о том, что мне больше удавалось. К счастью, удавалось все. Я всегда пел, как в последний раз, отдавался этому так, как будто у меня этого больше никогда не будет! И счастлив этим. Я в жизни все так делаю.

– Вам, судя по всему, свойственны сильные эмоциональные порывы?

– Я в жизни таким порывам особо не подвластен. Хотя по характеру вспыльчив, но контроли-

вали и в Америке, и в Японии, в Италии. Это был тяжелый труд. Но это была и красивая страница жизни. Вся моя жизнь была на сцене. Свете это нравилось. Но материально мы живем лучше сейчас.

– Александр Степанович, а если бы ваша жена надолго уехала, смогли бы справиться с домашними делами?

– Трудно... Но справился бы. Моя жена большой профессионал в ведении домашнего хозяйства. У нее это получается лучше. Я умею готовить рыбу, мясо, шашлыки. Французские соусы, сразу говорю, делать не умею, но приемлемую еду сделаю всегда. Я в еде не привередлив. По жизни я прагматик и очень быстро приспосабливаюсь.

– А собственную продукцию вы едите?

– Нет, колбасы я не ем, к ней я абсолютно равнодушен. Вот рыбу люблю, все-таки родился на Днестре. А что касается собственной продукции, то мы делаем восемь сортов сосисок, несколько сортов вареных колбас. Я часто бываю за рубежом на предприятиях по производству колбасных изделий и среди профессионалов чувствую себя достаточно комфортно.

– А когда вы сейчас приходите в Большой, испытываете чувство комфорта?

– Сегодня состояние у театра сложное. Мало-мальски одаренный певец вострит лыжи на Запад, где за работу ему платят более достойно. Сегодня театр теряет преемственность поколений, которые олицетворяли театр в мое время. Я иду на спектакль, и мне больно. Я этот театр люблю, он мне снится, и я хочу, чтобы он заблистал. Словом, Большой – это моя боль, любовь и надежда.

Больше жизни я люблю петь, это высшее проявление человеческой души. Иногда у меня уже бывают концерты. Может быть, пройдет какое-то время, я напишу об этом книгу. Сейчас же я полюбил кино, снимаюсь в картине Владимира Меньшова "Последнее танго в Москве". Игру роль... полковника КГБ.

– Если бы вам нужно было кратко охарактеризовать человека по имени Александр Ворошило, то чтобы вы сказали про него?

– Я бы сказал, что на этого человека можно положиться!

Светлана НОВИКОВА.

В Большом закончил народным, в бизнесе начинал мальчиком на побегушках...

ку Никите, четырех месяцев от роду. Для меня это безраздельная, всепоглощающая любовь. Я люблю свою семью, свою жену, дочь. У нас шероховатости в семье были, но мы очень дружно живем. Я женат один раз и, надеюсь, последний. Мне повезло, что Бог дал мне такую семью и такую судьбу.

– Только любители оперного искусства знают, как вы ушли из Большого...

– Карьера оперного певца у меня получилась короткой. Я заболел, пропал голос. Началась черная полоса в моей жизни. Еще недавно тебя рвали на куски, и вдруг ты стал никому не нужен. Я же такое место занимал в Большом... И вдруг вокруг тишина, телефон замолчал. Я мог бы спиться, обидеться на весь мир. И хотя я оказался выброшенным на улицу – не

меня это радует. Никто из нас не был специалистом по колбасе. Но мы все так выросли! Все это было непросто. В настоящее время я занимаюсь внешними контактами, проблемами фабрики, сглаживанием всех углов. Многие удивляются и говорят: "Ну как ты можешь этим заниматься? Ты же пел Онегина, Дон Карлоса!" Можно ощущать себя интеллигентом и делать колбасу, а можно играть Онегина и быть жлобом. Человека видно на любом месте!

– В Большом театре вы, конечно, были видны...

– Я, скажем так, занимал такое положение, когда меня спрашивали, хочу я эту роль или нет. Были артисты, которых назначали, а были артисты, которые выбирали сами. И тем не менее я себя тогда не причислял к звездам. Считаю,

рую себя всегда. Во мне сидит такой маленький ограничитель. У меня была масса поклонниц, дома моя жена хранит стихи, которые посвящены мне. В моей жизни было много привлекательного, но считаю, что каждый человек для себя в жизни должен определить некоторую линию и осознать, как он должен жить, для чего он в эту жизнь пришел. Я за разумность, может быть, поэтому у меня в жизни многое получается. Я не из тех людей, у которых может закружиться голова...

– А когда было легче вашей жене, когда вы пели в Большом или сейчас?

– Здесь я могу только на ее слова опереться. Ей было лучше, когда я пел в Большом. Была такая атмосфера! На гастроли по всему миру мы ездили вместе. Мы побы-